

М. М. Ожигова (Москва)

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ИММАНУИЛ КАНТ: К ПОЛЕМИКЕ О ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА В «РАССКАЗЕ ОБ ОДНОМ РОМАНЕ» (БЕРЛИН, 1924 Г.)*

Аннотация. В статье рассматривается влияние идей немецкого философа Иммануила Канта на творчество А. М. Горького. Исследуется эстетический аспект влияния философии Канта на прозу Максима Горького, в частности, немецкого периода его творчества. Особое значение придается анализу точек соприкосновения и моментам антагонизма, которые нашли отражение не только в оценке Горького личности и учения Иммануила Канта. Последнее обнаруживается в переписке Горького с А. А. Богдановым, М. М. Пришвиным, А. К. Виноградовым, Л. Ф. Хинкуловой и др., а также в художественных произведениях писателя. В статье анализируется мировоззрение Горького в сравнении с взглядами Канта, доказывается, что философия Канта сыграла важную роль в становлении Горького как писателя. Частным случаем этого влияния оказывается «Рассказ об одном романе», который анализируется более подробно. Именно в этом тексте, написанном в берлинский период творчества Горького и опубликованном в журнале «Беседа», во многом проявилось несогласие Горького с некоторыми положениями философии Канта, касающимися природы творчества и эстетических суждений. Автор статьи показывает, что неприятие Горьким некоторых аспектов философии Канта, связанных с пониманием творчества, вызвано не только мировоззренческими расхождениями, которые включают в себя разницу в понимании мира и человека, но также и различным пониманием эстетики и природы творчества. Статья включена в актуальный научный контекст, так как позволяет с другой стороны осмыслить творчество Горького и показывает, что горьковское «отторжение» философии Канта связано еще и с теоретико-литературными аспектами, включающими творческую установку писателя, особенности и характер его прозы, а также фундаментальное расхождение в понимании художественного творчества.

Ключевые слова: Горький; эстетика; природа творчества; Кант; гениальность; цели творчества; творческая установка; журнал «Беседа»; берлинский период жизни и творчества Горького.

M. M. Ozhigova (Moscow)

Maxim Gorky and Immanuel Kant: The Discussion about the Nature of Creativity in the “Story about a Novel” (Berlin, 1924)**

Abstract. The article contains the analysis of the influence of Immanuel Kant’s philosophy on the work of A. M. Gorky. The author deals with the aesthetic aspect of the

* Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21–18–00131).

** The work was done at A. M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project number 21–18–00131).

influence of Kant's philosophy on Maxim Gorky's prose, in particular, in the German period of Gorky's work. Gorky's heritage is perceived in the light of Immanuel Kant's influence. It opens up points of contact and moments of antagonism, reflected not only in Gorky's personal understanding of Kant (which is found in Gorky's correspondence with A. A. Bogdanov, M. M. Prishvin, A. K. Vinogradov, L. F. Khinkulova and others), but also in Gorky's artistic works. The author analyzes the writer's worldview in comparison with Kant's views, and also revealed that Immanuel Kant's philosophy played a vital part in Gorky's formation as a writer. A special case of this influence is the text "A Story about a Novel". This text is analyzed in more detail. Gorky's disagreement with some of the statements of Kant's philosophy (concerning the nature of creativity and aesthetic views) was largely revealed in this text. The author shows that the rejection of some aspects of Immanuel Kant's philosophy related to the understanding of creativity is caused not only by ideological differences, such as the difference in understanding the world and man, but also with different attitudes to aesthetics and the nature of creativity. The article is included in the current scientific context, as it allows us to understand Gorky's work differently. In addition, it indicates that Gorky's "rejection" of Kant's philosophy is also connected with theoretical and literary concepts, including the creative strategy of the writer, the features and nature of his prose, as well as fundamental discrepancy in the understanding of artistic creativity.

Key words: Gorky; aesthetics; nature of creativity; Immanuel Kant; genius; goals of creativity; creative strategy; the magazine "Conversation"; the Berlin period of Gorky's life and work.

Для больших писателей характерно включение философии в творчество, часто в их произведениях можно обнаружить объемные философские концепции, иногда образующие собственное мировоззрение писателя, а иногда отсылающие к взглядам конкретных философов или даже целых философских школ. Философии чужда эстетизация, она стремится в конкретных терминах описать сложнейшие вопросы мироздания, приблизить их к человеческому пониманию. Она выражается своим метаязыком, который должен быть отвлеченным и объективным. Литература говорит образами, и они не должны ничего постулировать или навязывать. Однако при всех различиях философия и литература (в большом ее объеме) рассматривают вечные понятия и проблемы. И здесь мы можем говорить уже о соотношении философии и чистой эстетики в творчестве того или иного писателя.

В прозе Горького данное соотношение приобретает довольно своеобразную форму. С одной стороны, Горький не стремится к эстетизации явлений, которые описывает, по сути, он показывает все без прикрас, используя минимум средств поэтики. С другой стороны, его тексты написаны живым языком, в них много бытовых реалий, часто герои списаны с натуры, автобиографичны. При этом ни герои, ни автор прямо не касаются философских тем, а если и делают это, то довольно редко. Тем не менее, имплицитно в произведениях Горького затрагиваются многие философские вопросы. Возможно, это и не всегда очевидно из-за тенденции к ре-

алистичному изображению, однако на страницах его рассказов, повестей и романов присутствуют и прямые упоминания имен различных философов, что явно вводит проблематику произведений в иной более глубокий контекст.

Если внимательно рассматривать корпус художественных текстов Максима Горького, то можно заметить, что наряду с именами таких философов, как Фридрих Ницше, Артур Шопенгауэр, в его произведениях встречается упоминание Иммануила Канта. В общем, в этом нет ничего удивительного, ведь Максим Горький очень рано начал заниматься самообразованием, можно обнаружить, что еще в 1894 г., находясь в Нижнем Новгороде, он писал О. Ю. Каменской: «Нет ли Канта, Шопенгауера, Платона...» [Горький 1997–, I, 65]. Философская проблематика, как мы уже говорили выше, присутствует в текстах Максима Горького, в своеобразном сочетании с бытовым материалом его прозы. Однако сами контексты, в которых упоминается философ, являются неоднозначными. Наряду с нейтральными, часто встречаются либо иронические подтексты, либо ярко пренебрежительные, причем направленные именно на саму фигуру Канта. Иногда эти контексты ситуативны и связаны только с героями («Вечер у Шамова»), но есть и примеры, транслирующие и авторскую позицию, как, например, повесть «Мужик» или «Рассказ об одном романе». Для того чтобы разобраться, откуда возникают такие неоднозначные контексты и как же нужно толковать, прежде всего, нужно обратиться к переписке Максима Горького.

Большинство писем, в которых упоминается имя Иммануила Канта или дается оценка его философскому наследию, имеет неодобрительную коннотацию. При этом Горький, конечно же, не критикует всю философскую систему Канта (более того, находясь в Германии, сокрушенно пишет Ходасевичу и Р. Роллану о том, что из советских библиотек изымают книги многих философов, в том числе и Канта), однако многие из кантовских положений вызывают у писателя явное несогласие. При этом Горького интересует не метафизическая сторона (которая у Канта и без того имеет редуцированный вид, в связи с наличием категории чистого практического разума и понятий трансцендентного и трансцендентального), а стороны, затрагивающие проблему человека, его индивидуальности, познания и морали. Здесь важно пояснить, что, очевидно, философия Канта воспринималась Горьким целостно, он не делил ее на докритический и период «Критик», а скорее давал оценку только отдельным положениям, из-за чего порой возникали некоторые противоречия трактовок. Тем не менее влияние кантовской философии на становление мировоззрения и характер писателя неоспорим. Таким образом, отношение к Канту у Горького имеет два измерения: социальное, связанное с человеком и отраженное в переписке и косвенно статьях, и художественное, в котором это отношение перенесено в прозу, и при этом сам характер прозы «идеологически констрастен» некоторым положениям кантовской философии.

В 1908 г., находясь на Капри, в одном из писем А. А. Богданову Горький

пишет: «...если “китаец из Кенигсберга” был человеком, который завершил философское обоснование индивидуализма и тем окончательно отрезал человека от мира — Вам суждено историей положить первые камни фундамента философии будущего, той философии, коя не только миропонимание, но именно — ощущение связи с миром, той философии, которая должна возвратить человека на его место — в центр процесса жизни, должна гармонизировать его — изменить физически» [Горький 1997–, VI, 264]. Конечно, сразу обращает на себя внимание пренебрежительная характеристика, данная Иммануилу Канту. Горький обвиняет философа в том, что он отделил человека от мира, отодвинул его на периферию жизни. При этом важно подчеркнуть, что это не эмоциональный отклик, а твердая позиция писателя, так как через двадцать лет уже в письме М. М. Пришвину Горький пишет: «Канта — не люблю, и это именно он помещает человека вне “земли и неба”, а я — геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист» (1927) [Горький 1997–, XVI, 250]. На первый взгляд, может показаться, что Горький «незаслуженно» обвиняет Канта в отделении человека от мира, ведь то, что сам философ оценивал в своей работе как «коперниканский переворот» и было сдвигом внимания с общих метафизических понятий и попыток познания мира на человека, его процессы познания и мышления: «...опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, а priori; эти правила должны быть выражены в априорных понятиях, с которыми, стало быть, все предметы опыта должны необходимо сообразоваться и согласовываться. Что же касается предметов, которые мыслятся только разумом <...> но которые <...> во все не могут быть даны в опыте, то попытки мыслить их (ведь должны же они быть мыслимы) дадут нам затем превосходный критерий того, что мы считаем измененным методом мышления, а именно что мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [Кант 1994, III, 24]. Подробнее проблематика «коперниканского переворота» Канта рассматривается в работах исследователей [Михайлов 2018, 300–306; Шульц 2010; Асмус 2005].

Однако взгляд Горького и на искусство, и на науку, и на философию был неразрывно связан с социальными процессами. Иначе говоря, для него был важен не сам кантовский переворот в мышлении, а то, что эта позиция может дать для социального развития человека. И в этом смысле, в понимании Горького, человек Канта действительно оставался отделенным от природы, наедине с чистым разумом, оперируя категориями которого он имеет лишь надежду познать хотя бы малую часть мироздания. В этом плане показателен пример с отношением к Исааку Ньютону, фигура которого упоминается и в работах Канта, и в письмах Горького. Для писателя Ньютон является одним из величайших представителей человеческого рода, олицетворением потенциала, который есть в каждом человеке: «Над гробницей Ньютона написано: “Да поздравят себя смертные, что существовало такое и столь великое украшение рода человеческого”».

<...> Но еще больше нравится мне так: “Да поздравит себя Вселенная, что существует такое и столь великое украшение ее, каков есть человек”. <...> вокруг нас нет ничего удивительнее и непостижимей нас самих» [Горький 1997–, XVI, 250]. С позиций же кантовских Ньютон действительно является великим умом, однако его способность не является абсолютной, дающей возможность постигнуть все процессы мироздания: «...всеми тому, что Ньютон изложил в своем бессмертном труде о началах философии природы, — сколь ни велик должен был быть ум, способный открыть подобное, — все-таки можно научиться; но невозможно научиться вдохновенно создавать поэтические произведения, как бы подробны ни были предписания стихосложения и как бы превосходны ни были образцы. Причина заключается в том, что Ньютон мог сделать совершенно наглядными и предназначенными для того, чтобы следовать им, все свои шаги от первых начал геометрии до своих великих и глубоких открытий — и не только самому себе, но и любому другому; между тем ни Гомер ни Виланд не могут сказать, как возникают и сочетаются в их сознании полные фантазии и вместе с тем глубокие идеи, потому что они сами этого не знают, а, следовательно, и не могут научить этому другого» [Кант 1994, V, 150]. При этом Кант не умаляет заслуги и талант Ньютона, но говоря о природе гениальности, он затрагивает тему невозможности абсолютного познания человеком природы и мира. Даже самый талантливый ученый с помощью априорных форм своего сознания может лишь частично приоткрыть тайны природы, но по Канту, эта возможность зависит от меры таланта: «...в науке величайший первооткрыватель отличается от старательного подражателя и ученика лишь степенью; от того же, кого природа наградила даром создавать прекрасные произведения искусства, он отличается по своей специфике» [Кант 1994, V, 150]. При этом человек все равно, оказываясь познающим субъектом, определяющим объективность познания, пасует перед конечной непознаваемостью мира, что расценивается Горьким как отделение, отграничение от мира. В то же время для Горького человек и тем более гениальный ученый является главнейшей ценностью, неразрывно связан с миром, и потому имманентно несет в себе не только возможность его познания, но и сам влияет на становление этого мира: «... очень крепко чувствую мою землю во Вселенной как центр ее и человека на ней как самое главное и сущее чудо земли» (1927) [Горький 1997–, XVI, 250]. Во многом это расхождение во взгляде на человека и возможности его познания повлияли и на понимание Горьким эстетики и творческого процесса.

Как мы видели выше, Кант проводит интересную параллель, сравнивая талант в области науки и искусства, показывая, что наука проигрывает искусству в способности постижения действительности и что искусство в отличие от науки обладает специфической непостижимостью, которую и сам художник не в состоянии объяснить. Для Горького же искусство в какой-то степени сближено с наукой, ведь в процессе творчества художник познает жизнь через опыт: «Жизнь, оплодотворяя его опытом, —

не церемонится, не щадит его души, но ведь только это ее безжалостное своекорыстие и насыщает художника волей к творчеству» [Горький 1997–, XVI, 172]. Находясь в Гюнтерстале, Горький в письме к Г. Гейлорду пишет: «Но – я человек глубоко верующий в спасительность культуры, а в основе ее лежит научное творчество» [Горький 1997–, XIV, 260]. Во многом эта позиция писателя связана с подходом к творчеству как к процессу познания жизни через опыт, через наблюдение за жизнью, а не метафизические прозрения. При этом, по Горькому, творческий процесс связан с трудностями и преодолением, с необходимостью, возможно, даже тяжелого труда: «Процесс осваивания художником действительности — тяжелый процесс...» [Горький 1997–, XVI, 172]. Эти взгляды совершенно противоположны позициям философии Канта, в которой, предпочтение отдается творчеству, а не науке. По Канту, способность к творчеству зависит от гения — «способности души, посредством которой природа дает человеку правила», и которую составляют воображение и рассудок. «Гений» дается человеку природой и «заключается <...> в счастливом сочетании, которое нельзя обрести в науке или достигнуть прилежанием» [Кант 1994, V, 158]. При этом Кант говорит о понятии «духа»: «Дух в эстетическом смысле — это оживляющий принцип в душе» [Кант 1994, V, 155], который «есть не что иное, как способность изображения эстетических идей» [Кант 1994, V, 155]. К эстетическим идеям же относятся представления воображения, которому в кантовской философии отводится очень важная роль, так как оно является не просто функцией мозга, а «продуктивной способностью познания» [Кант 1994, V, 155]. Воображение, в понимании Канта, «очень могущественно в создании как бы другой природы из материала, который ей дает действительная природа. Мы предаемся ему, когда опыт представляется нам слишком будничным, переделываем опыт, правда, по все еще аналогичным законам; однако и по принципам, находящимся выше, в разуме...» [Кант 1994, V, 155]. Иначе говоря, для творческого процесса оказывается недостаточно опыта, и тогда на помощь приходит воображение, которое, в свою очередь, является частью «духа» и, соответственно, «гения». Природа дает материал для творчества, но человеку еще необходимо переработать его «в нечто совершенно другое, а именно в то, что превосходит природу» [Кант 1994, V, 155]. Кант называет эту способность духа «схватывать быстро исчезающую игру воображения и придавать ей единство в понятии» [Кант 1994, V, 158] талантом, который, в свою очередь, является возможностью гения «выразить неизреченное в состоянии души в известном представлении и сделать его всеобщее сообщаемым» [Кант 1994, V, 158]. Здесь очевидно, что Горький и Кант сходны в понимании творчества как одного из способов познания мира, однако в остальном положения кантовской философии в целом не были близки Горькому, что подтверждает автобиографизм его прозы, стремление показать жизнь через личный опыт взаимодействия. Конечно, проза Горького не целиком автобиографична, однако ее построение связано не с выражением неких неизреченных идей, а с выражением тех смыслов, которые лежат в основе

человеческой жизни, во многом связаны с раскрытием красоты жизни в ее естестве. Отчасти искусство Горького становится дидактическим, так как часто его тексты наталкивают на размышления о человеческой жизни, показывают эстетику в простых вещах, в бытовой стороне человеческого существования. Писатель не «ловит» трудносхватываемое, неизреченное в душе, а наблюдает красоту жизни, стремясь показать ее со всех сторон, не приукрашивая, и, возможно, сознательно останавливая игру воображения. Для Канта творческий процесс понимается как нечто данное от природы, легкое, игра, которая не растрчивает человека и способна давать ему энергию: «...которая сама себя поддерживает и сама укрепляет необходимые для этого силы» [Кант 1994, V, 155]. По Горькому же, творческий процесс постижения художником действительности требует большого труда и напряжения. Во многом неприятие именно взглядов Канта на эстетику нашло отражение в произведении «Рассказ об одном романе». Над этим текстом Горький работал с конца 1922 г. по сентябрь 1923 г., а впервые рассказ был напечатан в берлинском журнале «Беседа» в 1924 г. Рассказ имеет довольно своеобразный сюжет: скучающая женщина вечером, проводив гостей, видит в саду на скамейке странного мужчину, смотрящего на нее. Она подходит к нему и с удивлением узнает, что этого мужчину зовут Павел Волков и что он главный герой книги ее давнего поклонника — писателя Фомина. Конечно же, героиня принимает это признание за розыгрыш, а мужчину за шутника или сумасшедшего, но затем, разговарившись с «персонажем» и даже пригласив его в дом, решает, что это все же галлюцинация. Во многом этот текст Горького можно назвать прямой полемикой с взглядами Канта на эстетику и природу творчества. В-первых, имя Канта упоминается в рассказе с явной иронией, что является намеком на общую идейную полемику с философом: «...она села к столу, поправила отстегнувшийся чулок и долго сидела, играя ножницами для ногтей. Потом стала полировать ногти замшей, — лучше всего думается, когда полируешь ногти. Очень жаль, что Иммануил Кант не знал этого» [Горький 1973, 362]. Здесь Горький использует сознательный прием снижения, помещая имя Иммануила Канта в бытовой «контекст будуара». В-вторых, из разговора с Павлом Волковым, неоконченным персонажем романа, выясняется, что Фомин попросту забыл о нем и сам персонаж уже считает, что его создатель сошел с ума: «...этот Фомин — сумасшедший! Посмотрели бы вы, как он ведет себя, оставаясь наедине сам с собою! Он наполняет комнату созданиями воображения своего и, окруженный тесной толпой призраков, таких же безумных, как сам он, не знает, что ему делать с ними» [Горький 1973, 353]. Здесь очевидна ирония над кантовскими описаниями процесса творчества с помощью духа, рассудка и воображения. Горький иронизирует над пониманием творчества как процесса работы воображения и рассудка, с неиссякаемым запасом самовосстанавливающейся энергии, так как для творчества, в его понимании, необходимо внимательное изучение жизни, ее понимание, а не одна только работа воображения, которая часто может породить образы, совершенно не связанные с ре-

альностью. При этом эта оторванность от жизни подчеркивается указанием на то, что внезапно появившейся персонаж не имеет тени и не отражается в зеркале: «...я ведь — как игральная карта, как портрет...» [Горький 1973, 352]. По словам «ожившего» Волкова, Фомин «и все подобные ему люди искусства невероятно путают и осложняют жизнь, наполняя ее своими выдумками» [Горький 1973, 353]. Более того, художники, руководствующиеся принципами, изложенными Кантом, сравниваются с умалишенными: «...Фомин — это небольшой дом умалишенных или, если хотите, дорога, по которой непрерывно бродят различные образы, текут разнообразнейшие, взаимно отрицающие одна другую мысли. Например: лично я не могу думать, что Природа не знает, чего хочет, и, умея создавать все, создает бесчисленное количество уродливого, лишнего...» [Горький 1973, 358]. Таким образом, ставится под сомнение сама «схема» Канта, согласно которой природа вкладывает в человека способность, выраженную в духе, которая с помощью воображения и рассудка помогает передавать на языке искусства невыразимое. В то же время фигура художника, гения, наделенного исключительной способностью, которая, по Канту, превосходит даже таланты ученых, у Горького воплощается в фигуре непутевого творца, не знающего, что делать со своим персонажем, громоздящего в воображении бесчисленные образы, далекие от эстетического идеала и даже неспособные окончательно оформиться во что-либо законченное. При этом важно подчеркнуть, что Горькому была не совсем чужда метафизика, однако сложные подробные описания процесса творчества, предложенные Кантом, совершенно не могли соответствовать стремлению Горького к изображению простой жизни людей (крестьян, рабочих и даже купцов) во всей ее полноте. Выдуманный персонаж Фомина говорит: «...как невероятно скучны, глупы и расплывчаты реальные люди...» [Горький 1973, 349]. Здесь в скрытом виде можно заметить возражение на кантовское понимание творчества как «суждения о прекрасных предметах как таковых» [Кант 1994, V, 152]. Ведь по Канту, подлинное искусство связано с «прекрасным представлением о вещи» [Кант 1994, V, 152], для суждения о прекрасном требуется вкус, а вот для создания произведений искусства «требуется гений» [Кант 1994, V, 152]. По Горькому же, воображение писателя должно работать, но взаимодействуя с реальной жизнью, в которой существует не только представление о прекрасном. В кантовской эстетике важно изображение и создание прекрасного, которое должно дарить эстетическое наслаждение и в какой-то степени «жить своей жизнью», продолжая вдохновлять людей. Для Горького же бесцельное порождение образов, пусть даже и прекрасных, но только для эстетического наслаждения не рассматривается как первостепенная задача искусства. На первый план у него выходит телеологическое понимание творческого процесса как формы воздействия на человека, его воспитания. Именно поэтому неудачный персонаж писателя Фомина говорит главной героине: «...но я существую уже и независимо от него...» [Горький 1973, 348]. Так, Горький хо-

чет показать «неприкаянность», эфемерность образов, которые живут сами по себе, но при этом не направлены на какое-либо воздействие, в том числе и дидактическое.

Таким образом, анализируя творчество Максима Горького можно обнаружить скрытую полемику не только в личных оценках писателя по отношению к философу, но и в его художественном творчестве. «Рассказ об одном романе» является не единственным текстом, в котором можно увидеть идейное неприятие некоторых сторон философии Иммануила Канта. Расхождения во взгляде на человека, его место в мире и социум оказали большое влияние на творчество писателя, сформировали его неповторимый авторский почерк.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005. 439 с.
2. Горький М. Полное собрание сочинений: в 24 т. М.: Наука, 1997–
3. Горький М. Полное собрание сочинений: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. 631 с.
4. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994.
5. Михайлов К. А. Теоретическая философия Иммануила Канта и современная логика: Опыт нового прочтения «Критики чистого разума». М.: ЛЕНАНД, 2018. 352 с.
6. Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»: Руководство для чтения. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 152 с.

REFERENCES

(Monographs)

1. Asmus V. F. *Immanuel Kant* [Immanuel Kant]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 439 p. (In Russian).
2. Kant I. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]: in 8 vols. Moscow, Choro Publ., 1994. (Translated from German into Russian).
3. Mikhaylov K. A. *Teoreticheskaya filosofiya Immanuila Kanta i sovremennaya logika: Opyt novogo prochteniya "Kritiki chistogo razuma"* [Immanuel Kant's Theoretical Philosophy and Modern Logic: The Experience of a New Reading of "The Critique of Pure Reason"]. Moscow, LENAND Publ., 2018. 352 p. (In Russian).
4. Schultz J. *Raz'yasnyayushcheye izlozheniye "Kritiki chistogo razuma": Rukovodstvo dlya chteniya* [Explanatory Exposition of "The Critique of Pure Reason": A Reading Guide]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 152 p. (Translated from German into Russian).

Ожигова Мария Михайловна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аспирант кафедры теории литературы филологического факультета. Научные интересы: история и теория литературы, литература XIX и XX вв., генезис творчества и творческий процесс, нарратология, дискурсология, философия, компаративистика.

E-mail: ozhigova13.m@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9631-0446

Maria M. Ozhigova, Lomonosov Moscow State University.

Postgraduate student at the Theory of Literature Department, Philological Faculty. Research interests: history and theory of literature, literature of the 19th and 20th centuries, the genesis of creativity and the creative process, narratology, discursology, philosophy, comparative studies.

E-mail: ozhigova13.m@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9631-0446